

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Прадедушка

Прадедушка был такой славный, умный и добрый, все мы так любили и уважали его. Сначала-то, с тех самых пор, как я себя помню, его звали дедушкой, но вот у моего старшего брата Фредерика родился сынок, и дедушку произвели в прадедушки. Выше этого звания ему уж не подняться было в жизни. Он очень любил нас всех, но наше время не особенно-то жаловал.

– То ли дело было в доброе старое время! – говаривал он. – То время было солидное, степённое! А теперь все несутся, сломя голову, всё идёт вверх дном! Молодёжь ораторствует, говорит о королях так, как будто они им ровня! Любой господин с улицы может обмакнуть свою тряпку в грязную лужу, да выжать её над головой почтенного деятеля!

И, говоря это, прадедушка весь краснел, но потом опять успокаивался, улыбался своею обычною ласковою улыбкой и говорил:

– Ну! Я, может быть, и не вполне прав! Но я человек старого времени и не могу попасть в ногу с новым! Предоставим же Господу Богу вести его!

Слушая рассказы прадедушки о старых временах, я как будто сам переживал их: разъезжал мысленно в золотой карете с гайдуками, видел церемонии перенесения цеховой вывески с музыкой и знамёнами, участвовал в забавных святочных развлечениях и играх. Правда, и в те времена было много дурного и ужасного: колёса, дыбы, кровопролитие, но даже и эти ужасы имели в себе что-то заманчивое! Много и хорошего узнавал я из рассказов прадедушки: узнал, например, о датских дворянах, освободивших крестьян, о датском кронпринце, прекратившем торговлю рабами. Да, славно было послушать рассказы прадедушки о днях его молодости, но предшествовавшее тому время было всё-таки ещё лучше – такое сильное, могучее!

– Жестокое, варварское! – отозвался брат Фредерик. – Слава Богу, что оно миновало!

Он так прямо и заявил это прадедушке! Не совсем-то это было хорошо с его стороны, но я всё-таки очень уважал Фредерика. Он был моим старшим братом, «мог бы даже быть моим отцом», – говорил он сам; такой чудак! Он блестяще сдал свой студенческий экзамен, а в конторе у отца занимался так прилежно, что скоро его допустили к участию в делах фирмы. Он был любимцем прадедушки, но они вечно спорили друг с другом. Эти двое никогда не поймут друг друга, никогда не столкнутся, – говорила о них вся семья, а я как ни мал был, всё-таки заметил, что эти двое и обойтись друг без друга не могут!

Когда Фредерик рассказывал или читал при прадедушке о новых научных открытиях и изобретениях, знаменующих наше время, глаза старика так и светились.

– Люди становятся умнее, но не добрее! – говаривал он, однако, вслед затем. – Они изобретают на гибель друг другу ужаснейшие орудия истребления.

– Зато тем скорее и войне конец! – возражал Фредерик. – Теперь уж не приходится ждать мира по семи лет! Мир страдает полнокровием, и пускать ему время от времени кровь необходимо! Раз Фредерик рассказал прадедушке о происшествии, действительно случившемся в одном городке. Часы бургомистра, большие часы на башне ратуши, устанавливали время для всего города. Часы шли не совсем верно, но всё же весь город сообразовался с ними. Но вот провели железную дорогу; она была в связи с железнодорожной сетью других стран, и тут уж приходилось точно рассчитывать время, а то поездам недолго было и столкнуться! На вокзале были установлены свои солнечные часы; они указывали время верно, не то, что бургомистровы, и вот, все жители города стали проверять свои часы по железнодорожным.

Я засмеялся, – история показалась мне забавною.

Но прадедушка и не думал смеяться; напротив, он стал ещё серьезнее.

– В твоём рассказе есть кое-что! – начал он, обращаясь к Фредерику. – И я понимаю, зачем ты это рассказал мне. Твои часы очень поучительны. Они приводят мне на память другие часы, старые, простые борнгольмские часы с тяжёлыми свинцовыми

гирями, принадлежавшие моим родителям. По этим часам жили мои родители, жил и я, когда был ребёнком. Может быть, они шли и не совсем верно, но всё-таки шли, а мы смотрели на стрелку и верили ей, не заботясь о колёсах внутри. Так-то вот обстояло тогда дело и с государственным механизмом: люди спокойно верили тому, что показывали стрелки. Теперь же государственный механизм стал часами из стекла; всё устройство их на виду; видишь, как вертятся и жужжат колёса, боишься за каждый зубчик, за каждое колёсико, сомневаешься, верно ли бьют часы, ну, и прежнего детского доверия уже нет! Вот слабость нашего времени!

И прадедущка кончал тем, что начинал горячиться. Они с Фредериком никак не могли столковаться, но и разлучить их было трудно, «как прошлое с настоящим». Это поняли они оба и вся семья, когда Фредерику пришлось отправиться по делам фирмы в далёкий путь, в Америку. Тяжело было прадедущке перенести такую разлуку, — далеко, ведь, отправлялся Фредерик, за море, в другую часть света!

— Каждые две недели ты будешь получать от меня по письму! — сказал Фредерик. — А ещё быстрее всякого письма прилетит к вам от меня весточка по телеграфной проволоке. Вместо дней понадобятся часы, вместо часов — минуты!

Первый привет пришёл от Фредерика из Англии; он послал его, садясь на корабль, отплывавший в Америку. А затем быстрее всякого письма — хоть бы его взяли доставить сами несущиеся облака — пришёл привет из Америки, где Фредерик высадился всего несколько часов тому назад!

— Наше время озарила поистине божественная мысль! — сказал тогда прадедущка. — Телеграф — благодеяние для человечества!

— И Фредерик говорил мне, что первое открытие этих сил сделано у нас на родине! — сказал я.

— Да! — ответил прадедущка и поцеловал меня. — Да, и я сам глядел в те ласковые очи, которые первые проникли в тайны этой новой силы природы! В них светилась такая же детская душа, как в твоих! Довелось мне и пожать ему руку!

Тут прадедущка опять поцеловал меня.

Прошло более месяца, и вот мы получили от Фредерика письмо,

извещавшее о его помолвке с молодой прелестной девушкой, которую, конечно, полюбит вся семья. В письмо была вложена её фотографическая карточка, и мы рассматривали её на все лады – и простыми глазами, и сквозь увеличительное стекло. То-то, ведь, и хорошо в этих фотографических снимках, что их можно рассматривать сквозь самые сильные увеличительные стёкла, и сходство выступает только ещё сильнее! А этого ни могли добиться художники-портретисты, даже самые величайшие из старинных мастеров!

– Обладай этим изобретением старое время, мы могли бы теперь видеть перед собою лицом в лицу всех великих людей и благодетелей человечества! – сказал прадедушка. – Как, однако, эта девочка мила и добра на вид! – И он опять впился глазами в карточку, лежащую под увеличительным стеклом. – Теперь я узнаю её, как только она ступит на порог!

Но этого могло и не случиться никогда! Чуть-чуть было так и не вышло! К счастью, мы узнали об опасности только, когда она уже миновала.

Молодые новобрачные счастливо и весело достигли Англии, а оттуда отправились на пароходе в Копенгаген. Они уже видели датский берег и белые песчаные дюны западной Ютландии, как вдруг поднялась буря, пароход налетел на риф и сел. Волны вздымались горами и грозили разбить его; нельзя было даже спустить спасательных лодок. Настала ночь, но вот, ночной мрак прорезала яркая ракета, пущенная на погибающий пароход с берега. Ракета перебросила на пароход канат, и между судном и берегом установилось сообщение. Скоро над тёмными бурными волнами заскользила по канату спасательная корзина с красивой молодой женщиной. Она была высажена на твёрдую землю, спасена! И как же была она счастлива, когда возле неё очутился и молодой её муж! Все пассажиры и команда парохода были спасены таким же способом ещё до рассвета.

А мы-то сладко спали у себя в Копенгагене, не думая ни о какой опасности, и только, когда мы все сидели за утренним кофе, до нас дошла полученная в городе по телеграфу весть о гибели английского корабля у западного берега. Сердце у нас так и упало. Но в ту же минуту подоспела и телеграмма от дорогих

наших молодых: они спаслись и скоро должны были быть у нас! Все плакали; плакал и я, и прадедушка. Потом он набожно сложил руки и – я уверен – благословил новое время. В тот же день он пожертвовал двести риксдаллеров на памятник Гансу-Христиану Эрстеду^[1].

Когда вернулся со своею молодою женою Фредерик и услышал об этом, он сказал:

– Вот это дело, прадедушка! Теперь я кстати прочту тебе, что писал много лет тому назад о старом и новом времени сам Эрстед!

– Он, конечно, был твоего мнения? – спросил прадедушка.

– Ещё бы! – ответил Фредерик. – Да и ты теперь того же мнения, – иначе бы ты не внёс своей лепты на памятник ему!

^[1]Эрстед, Ханс Кристиан, датский учёный, прославивший своё имя открытием электромагнитной силы.

